

Известия, 1973, 229

В Б У Д Н Я Х — НАШЕ ВДОХНОВЕНЬЕ

Вадим КОЖЕВНИКОВ

ПРОЦЕСС создания произведения искусства не подвластен категориям чисто производственным. Союз писателей не может запланировать, скажем, выпуск определенного количества высококачественных романов или повестей. Даже издательства, казалось бы, рассчитавшие свои возможности на годы вперед, порой вынуждены ломать планы. В сфере искусства приходится учитывать такие понятия, как талант, вдохновение, мастерство.

И все же трудно представить себе писателя, который не планировал бы свои литературные дела. В нашем деле, как и в любом другом, «текучка» или «штурмовщина» опасны и мстительны. Когда на писательских пленумах и съездах мы подводим итоги творческой работы, мы отчитываемся перед партией, перед народом о своих «пятитетках», ибо наш труд лучшими произведениями действительно вливается в труд республики. Потому-то еще труднее представить писателя, который отгородился от жизни глухими стенами кабинета и творит себе, не слыша зова времени, грохота строев, ритма гигантской работы. Не в наших это традициях, не в нашем это характере.

Вглядываясь пристальнее в жизнь, — советуем мы друг другу. Все это так. Но для создания книг, достойных свершений современника, нужна еще и остротенность, я бы сказал, «панорамность видения», а это невозможно без осмысления того величия, той громады дел, которые задала девятая пятитетка. По-моему, очень метко сказал один из писателей: «Чтобы написать подлинное произведение, запечатлеть героиню эпохи, нужно прокалить свое перо на очерке и публицистике».

Очерк и публицистика, как правило, работают на передовых рубежах современности. И вот что примечательно. Сейчас редко встретишь писателя, который выдвигал бы одну важную проблему и не сталкивался с целым рядом сопутствующих или комплексом проблем. И это естественно. Ныне многократно усложнившись связи человека с окружающим миром, будь то непосредственно производственная сфера, будь то взаимоотноше-

ния с природой или взаимоотношения с людьми, в коллективе.

Да, публицистика — самый мобильный жанр литературы, но она включает в себя и развивает те же приемы художественной выразительности, которые специфичны вообще для произведения искусства. Убедительный тому пример — «Ледовая книга» Юхана Смуула, удостоенная Ленинской премии. Отправляясь в нелегкий антарктический поход, автор признался, что хочет повидать, что же там такое делается, и понять это. Я бы назвал это признание формулой творчества — то великое любопытство к жизни, ее переменам, к людям, которое всегда движет советским художником.

Повидать, понять — и повесть другим. Но вот вопрос: как? Достаточно ли писатель, гордо именуемый разведчиком нового, вооружен знанием сути явлений? Чем, какими резервами обеспечен творческий поиск?

Мы часто говорим о возросшем объеме информации, что приходится на «душу» человека. Это верно. Но ведь возрастает с каждым днем и воздействие личности на мир, на то дело, которым занимается человек, на коллектив, в котором он работает. Эта проблема интересна не только социологам. Это вопросы жизни. А следовательно, и литературы.

И тут встает вопрос о богатстве самой личности автора. Личность писателя, одухотворенного большой политической идеей, социально зоркого, так же полно обозначается в публицистике, как в поэзии и в прозе.

У нас немало примеров, когда писатель, выдвигая проблему, становился ее исследователем и, как говорится, доводил дело до конца, своим словом содействовал победе нового над отжившим, устаревшим, косным. Боевитость и действительность слова писателя — это прямое его соучастие в жизнестроительстве. Однако дело само по себе не существует, оно всегда связано с судьбой человека. И если сегодня мы говорим о творческой инициативе народа в условиях научно-технического прогресса, то должны показывать ее на судьбе реальных людей. Показать ярко, талантливо, не надеясь только на прошлый багаж или на чувство интуиции.

Нельзя забывать, что идет девятая пятитетка.

История нашей литературы не раз подтверждала: многие выдающиеся произведения искусства были созданы не по следам времени, а в самом движении с ним, шаг в шаг со временем. Научно-технический прогресс не снижает значения человека на производстве, а возвышает — наполняя его деятельность интеллектуальным, творческим содержанием. Это одна из тех закономерностей, которые укрупняют значение каждой деятельной личности, формируют новые черты.

Но если эту связь научно-технического прогресса с человеческой личностью понимать упорно, как возрастание объема только технических познаний, то мы вернемся к так называемым «производственным» очеркам и романам, где обилие технологических описаний вытесняет человека.

Путь к познанию социального значения научно-технического прогресса лежит через человека — творца этого прогресса. А литература во всех своих жанрах — это человековедение.

Нынешняя рабочая пятитетка страны вмещает целую историческую полосу материального и духовного развития нашего общества, она осуществляется в атмосфере высокой всенародной инициативы. Творческое отношение к труду в социалистических условиях формирует новый тип личности, новые качества психологии, мироощущения, высокую степень сознательности. Создается особый характер — советский, национальный характер, как реальное выражение сложившейся новой исторической общности — советского народа.

В современном трудовом движении, в многостороннем развитии личности рождаются те новые качества, те новые традиции, которые будут действовать длительное историческое время. Уловить их своеобразие — значит подняться на новую идейно-эстетическую ступень в творческом поиске, в писательском познании жизни.

Когда несколько литераторов едут на большую стройку и попадают там под осенний дождик, а потом описывают на все лады это явление природы, со-

гласитесь, такие произведения ничего не дают ни уму, ни сердцу. А сколько подобного литературного брака, когда писатель-очеркист промелькнул мимо главного, не увидел подлинного героя, вышло из-под пера!

Да уж куда бы ни шло, если бы только из-под пера — из-под печатных машин. Сотни серых, безликих страниц мелькают перед глазами читателей. Но ведь чья-то рука подписывала их в свет! Достаточно ли высока сегодня мера ответственности за каждое слово, сказанное о высоких делах современника? Я имею в виду личную моральную ответственность литератора, редактора, издателя. Об этом думаешь каждый день — за рабочим столом, на заседаниях, в хлопотливой суеде редакционных забот.

Размышления об этом привели нас к мысли попытаться соединить газетный опыт первых пятитеток со специфическими особенностями и возможностями толстого журнала. Так, мы решили создать выездную редакцию «Знамени» на Курской магнитной аномалии.

Но плодотворность этих начинаний не только в том, чтобы запечатлеть, отразить жизнь и дела того или иного рабочего коллектива. Мы порой и сами не подозреваем о другой стороне «отдачи». Выражаясь языком космонавтики, раздели очерка и публицистики становятся «стыковочными узлами» литературы с жизнью.

В буднях — наше вдохновение... В недавней речи в Алма-Ате товарищ Л. И. Брежнев высказал пожелание, чтобы работники идеологических учреждений полнее учитывали возросший уровень культуры и разносторонний характер запросов советских людей. Это надо учитывать и нам, советским писателям, если мы хотим, чтобы наши книги приносили наибольшую пользу коммунистическому строительству.

Мне думается, сейчас это особенно важно — соизмерять свои замыслы с пожеланиями читателей, с его требованиями, запросами, которые выросли необычайно. Ибо у советской литературы нет более высокого призвания, чем служить общественным интересам.

В самом деле: герой наших книг — герой-современник, читатель — тот же самый герой. И если не мы расскажем о нашем трудном и прекрасном времени, то кто же? Какой же высокой пробы должно быть каждое слово...